

Владимир АВАТКОВ
Нина СПИРИДОНОВА

ТРАНСПОРТНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ РОССИИ И СНГ

Дата поступления в редакцию: 23.09.2024.

Для цитирования: *Аватков А. В., Спиридонова Н. А., 2024. Транспортно-энергетические проекты России и СНГ. – Геоэкономика энергетики. № 4 (28). С. 6–26. DOI: 10.48137/26870703_2024_28_4_6*

Транспортно-энергетические проекты играют ведущую роль в стимулировании экономического роста как в России, так и в странах СНГ. Эти проекты не только способствуют совершенствованию инфраструктуры, но и увеличивают энергоэффективность, способствуя устойчивому развитию регионов. В данной статье нас интересуют наиболее важные транспортно-энергетические проекты в России и странах СНГ, их воздействие на экономику и перспективы развития.

Введение

В декабре 1991 г. была принята декларация о создании Союза Независимых Государств, в состав которого вошли 12 союзных республик. «Не-

АВАТКОВ Владимир Алексеевич, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), заведующий кафедрой «Международные отношения и геополитика транспорта» Института международных транспортных коммуникаций, Российского университета транспорта (МИИТ). **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 127018, улица Новосушевская, д.26А. **E-mail:** v.avatkov@gmail.com. **SPIN-код:** 7909-2304. **ORCID:** 0000-0002-6345-3782.

СПИРИДОНОВА Нина Артемовна, старший преподаватель кафедры «Международные отношения и геополитика транспорта» Института международных транспортных коммуникаций, Российского университета транспорта (МИИТ). **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 127018, улица Новосушевская, д.26А. **E-mail:** na009@bucknell.edu.

Ключевые слова: транспортно-энергетические проекты, Россия, СНГ, сотрудничество, транспортные маршруты.

смотря на то что на бумаге Советский Союз распался быстро, в реальности потребовались годы, чтобы правильно разделить множество социально-экономических, политических, а также исторически сложившихся духовных и культурных связей. То, как новые независимые государства будут сотрудничать друг с другом, во многом зависело от взглядов политической элиты, от уровня экономического развития многих стран» [*Политические процессы...*, 2020]. С момента создания СНГ прошло уже много лет, однако события, связанные не только с распадом СССР, но и с его последующим уходом с международной арены, лишило мир одного из основных центров силы, способных противостоять империалистическим стремлениям Соединенных Штатов. Стоит добавить, что с развалом существовавшей в то время биполярной системы международных отношений мировое сообщество оказалось на пороге новой эпохи и столкнулось с серьезным выбором. В мире экономики наблюдается два одновременно происходящих процесса: глобализация и регионализация. В результате объединения мощных экономических блоков половина стран на планете как будто прикована к ним в качестве главных центров влияния, в то время как страны, относящиеся к экономической периферии, сосредоточились вокруг этих центров, будто притягиваемые их гравитацией [Аватков, 2018]. Поскольку фундамент новой структуры международных отношений еще не установлен, главной задачей России может быть участие в ее формировании, что сделает новую концепцию мирового порядка более плюралистической и менее однополярной.

Распад СССР не только привел к созданию новых независимых государств, но и вызвал глубокие изменения в политической архитектуре региона. Каждая из бывших республик столкнулась с необходимостью формирования собственной национальной идентичности, что привело к сложному процессу перераспределения власти и ресурсов. Этот процесс сопровождался как мирными переговорами, так и вооруженными конфликтами, например в Приднестровье, Нагорном Карабахе и Абхазии. Эти конфликты стали испытанием для СНГ, которое, несмотря на декларируемые цели содействия миру и стабильности, оказалось неспособным эффективно разрешать подобные кризисы.

Одновременно с политическими изменениями начался процесс формирования новых экономических связей. В условиях распада советского экономического пространства многие республики столкнулись с глубоким экономическим спадом, вызванным разрывом традиционных производственных и кооперационных цепочек. Самый большой удар пришелся по государствам с менее развитой инфраструктурой и высоким уровнем зависимости от поставок союзников, таким как Кыргызстан, Таджикистан и Молдова. Россия, как крупнейшая экономика региона, в свою очередь, столкнулась с вызовами в виде необходимости отстаивать свои экономи-

ческие интересы в регионе, сохраняя при этом свое политическое влияние [Аватков, Евстафьев, 2023].

Тем не менее, несмотря на экономические трудности и политические разногласия, интеграционные инициативы появились и на постсоветском пространстве. Одним из таких проектов стал Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный в 2015 г., целью которого является углубление экономического сотрудничества между странами-участницами. Хотя ЕАЭС был создан по образцу Европейского союза, его функционирование сталкивается с рядом препятствий, включая экономическое неравенство между участниками, различия в политических системах и внешнее давление со стороны глобальных игроков.

Основной тенденцией, возникшей после распада СССР, стало обострение конкуренции между регионами за доминирующее положение. «В частности, Китай и Турция уделяют повышенное внимание этим регионам на Кавказе и в Центральной Азии. Китай продвигает свои экономические интересы в рамках инициативы «Один пояс — один путь», инвестируя в инфраструктурные проекты и углубляя торговые связи. Турция активизировала культурное и экономическое сотрудничество с тюркоязычными странами Центральной Азии, стремясь укрепить свою роль в этом регионе» [Дудко, 2009]. Такой многовекторный подход к внешней политике постсоветских стран еще больше подчеркивает сложность и многообразие международных отношений в регионе.

Влияние Турции

Вскоре возникают такие проекты, как Евразийский экономический союз, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, ШОС, ССАГПЗ и другие, деятельность которых соответствует международным подсистемам, что приводит к актуализации регионализации международных отношений. Конфликтное взаимодействие на перифериях создает зоны соприкосновения, где участники политических игр становятся объектами борьбы за рынки сбыта и зонами влияния между различными центрами власти [Быков, 2001].

Процесс регионализации, представленный в рамках таких проектов, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), свидетельствует о возрастающей роли региональных объединений в мировой политике и экономике. Эти структуры стремятся содействовать экономическому сотрудничеству, политической стабильности и безопасности в своих регионах, создавая альтернативы западным механизмам глобализации. Например, ЕАЭС фокусируется на создании единого экономического пространства между своими членами, предлагая возможности для

свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. ШОС, с другой стороны, стремится укреплять безопасность и сотрудничество в Евразийском регионе, что особенно важно на фоне растущей конкуренции между крупными державами. Стоит отметить, что усиление регионализации не только создает новые центры силы, но и меняет характер взаимодействия между государствами. Влияние таких глобальных игроков, как Соединенные Штаты и Китай, на внутренние дела регионов усиливает напряженность и создает новые очаги конфронтации [Кириллова, 2019]. В некоторых случаях это приводит к возникновению так называемых замороженных конфликтов, где нет прямого решения, но нет и полного прекращения боевых действий, как это можно наблюдать в Приднестровье, Нагорном Карабахе и на Корейском полуострове. Эти конфликты становятся инструментами давления на стороны, вовлеченные в борьбу за ресурсы и рынки сбыта.

Кроме того, появление подобных региональных проектов способствует ослаблению роли традиционных международных организаций, таких как ООН или ВТО. Региональные объединения все чаще берут на себя функции регулирования торговли, разрешения конфликтов и обеспечения безопасности, что приводит к появлению новых моделей взаимодействия между государствами. Например, в рамках АБИИ и ШОС обсуждаются вопросы развития инфраструктуры и борьбы с терроризмом, тогда как в ООН не всегда удается достичь единства среди членов Совета Безопасности по таким вопросам. Уфимский саммит ШОС стал олицетворением тренда к углублению взаимосвязи проблем безопасности и развития на глобальном и региональном уровнях [Петровский, 2016].

В контексте интеграционных процессов в постсоветском пространстве возник ряд сложностей из-за привилегированного положения России, вызывавшего опасения у других участников. Кроме того, культурные, религиозные и экономические различия между постсоветскими государствами значительно усложняли интеграционные процессы, обусловленные также глобализацией и усилением глобальных контактов, что привело к дезинтеграционным тенденциям, препятствующим укреплению регионального взаимодействия [Лебедева, 2019].

Серьезной проблемой в интеграционных процессах на постсоветском пространстве стало восприятие России как ведущей державы. Многие страны СНГ были обеспокоены тем, что участие в таких инициативах, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), приведет к большей экономической и политической зависимости от России. «В рамках ЕАЭС мы осуществляем попытку объединиться с авторитарными государствами, а элиты этих государств негативно относятся к любым попыткам передачи своей власти на наднациональный уровень. Основная задача для них — это удержание собственной власти, и интеграция рассматривается лишь одним из способов решения этой задачи» [Иванова, 2018]. Эти опасения были осо-

бенно сильны в странах, которые стремились к многовекторной внешней политике, таких как Казахстан и Беларусь. Например, Казахстан, несмотря на свое активное участие в ЕАЭС, неоднократно заявлял о намерении сохранить независимость и развивать отношения с другими глобальными игроками, такими как Китай, Европейский союз и Соединенные Штаты.

Культурные и религиозные различия также играют важную роль в процессах дезинтеграции. Страны Центральной Азии, такие как Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан, с преимущественно мусульманским населением исторически имеют иные культурные традиции по сравнению с православной Россией. Это культурное разнообразие усложняет формирование единой идентичности и ставит под сомнение возможность глубокой интеграции, основанной на общих ценностях. В то же время культурные различия поддерживают стремление этих государств развивать связи со странами Ближнего Востока и Азии, что снижает их зависимость от России.

Экономические различия между постсоветскими государствами также создают дополнительные барьеры для интеграции. Страны с высоким уровнем ВВП на душу населения, такие как Россия и Казахстан, сталкиваются с иными экономическими проблемами по сравнению с более бедными странами. Разрыв в уровнях экономического развития создает напряженность в интеграционных проектах, таких как ЕАЭС, поскольку менее развитые страны часто зависят от субсидий и финансовой помощи со стороны более развитых участников. Это приводит к тому, что они не всегда готовы взять на себя обязательства по экономической и политической интеграции, если это противоречит их национальным интересам.

Усиление глобальных контактов также способствовало дезинтеграционным тенденциям. Многие постсоветские страны, особенно географически близкие к Европе, стремятся интегрироваться в мировую экономику посредством торговых соглашений и партнерских отношений с ЕС и Соединенными Штатами.

«Учитывая тот факт, что полномасштабная форсированная интеграция России как в панъевропейский, так и в восточноазиатский блоки представляется сложной в рамках своей геоэкономической стратегии, Россия должна преимущественно полагаться на собственные возможности и искать оптимальные пути и средства взаимодействия с каждой из стран СНГ» [Дудко, 2009]. Однако свое влияние на постсоветском пространстве активно распространяет Турецкая Республика, объединяющая вокруг себя тюркский мир. Турция на данный момент все активнее выдвигает себя на роль хаба, своеобразного мостика между Севером и Югом, Западом и Востоком. «Конечно, для того чтобы стать хабом, ключевой задачей сейчас является использование коридоров, которые, в свою очередь, могут быть глобальными (соединяющими разные части света) и региональными (функционирующими в пределах одного или нескольких субрегионов)» [Ават-

ков, Сбитнева, 2022]. Для достижения цели стать хабом и развить систему коридоров у Турции есть различные способы договориться: например, с Грузией – это финансирование Аджарии, с Азербайджаном – заключение соглашений. В 2021 г. была подписана «Шушинская декларация, которая уделяет особое значение вопросу энергетической безопасности и совместным проектам в данной сфере. Кроме этого документа, стороны заключили соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций, а также ряд договоров в военной, экономической, технической, научной, культурной и прочих сферах. Здесь Турция также вступает в транспортные проекты, например железная дорога Баку – Тбилиси – Карс или запуск Зангезурского, или Сюникского, коридора, который бы соединил Турцию с Азербайджаном автомобильными или железными дорогами». Однако доминирование Турции в постсоветском пространстве довольно противоречивое, и камнем преткновения является фактор идентичности, например концепции туркоцентричного «тюркского» мира, запроса на конструирование новой, «неотурецкой» идентичности.

Турция активно использует свое геостратегическое положение для усиления своего влияния на постсоветском пространстве, опираясь на исторические и культурные связи с тюркскими народами. Благодаря развитию транспортных и энергетических коридоров, таких как железная дорога Баку – Тбилиси – Карс и Зангезурский коридор, Турция укрепляет свои экономические позиции в регионе, создавая инфраструктуру для взаимосвязанности как на региональном, так и на глобальном уровне. Эти проекты имеют стратегическое значение, поскольку они не только способствуют развитию торговли и улучшению транспортной логистики, но и обеспечивают Турции ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности региона, включая транзит нефти и газа.

Однако стремление Турции занять лидирующую роль в тюркском мире сталкивается с рядом проблем. Прежде всего это связано с вопросами идентичности. Продвигая концепцию туркоцентричного «тюркского мира», Турция пытается укрепить культурные и политические связи с такими тюркоязычными республиками, как Азербайджан, Казахстан и Узбекистан. Однако многие из этих стран, несмотря на свои исторические и культурные связи, стремятся сохранить свою независимость и суверенитет, что ограничивает возможности Турции по созданию тесного политического и экономического союза. Эти страны проводят многовекторную внешнюю политику, балансируя между Турцией, Россией, Китаем и Западом, что затрудняет реализацию идеи единого тюркского пространства [Аватков, 2022].

Кроме того, Турция сталкивается с конкуренцией со стороны других региональных и глобальных игроков на пути усиления своего влияния. Несмотря на свою уязвимость в некоторых аспектах, Россия продолжает оставаться важным политическим и экономическим партнером для боль-

шинства постсоветских государств, особенно в Центральной Азии. Китай также активно расширяет свое влияние в регионе посредством инициативы «Один пояс — один путь», предлагая значительные инвестиции в инфраструктурные проекты, что создает альтернативу турецким инициативам.

Таким образом, Турция, несмотря на амбициозные планы стать ключевым узлом между Европой и Азией, сталкивается с серьезными вызовами. С одной стороны, успешное использование Россией транспортных коридоров и энергетических проектов укрепляет ее позиции, с другой стороны, фактор идентичности и конкуренция с другими силами ограничивают ее способность оказывать устойчивое влияние на постсоветском пространстве. В этом контексте Турции придется найти баланс между продвижением своих интересов и уважением суверенитета и разнообразия стран региона.

ЕАЭС

На другой чаше весов имеется ЕАЭС, преемник ЕврАзЭС, где наблюдается положительная динамика и взаимный интерес стран-участниц, рост инвестирования в компании друг друга. В период 2015–2018 гг. российские компании стали самыми крупными экспортерами капитала, внося 80 % инвестиций в страны ЕАЭС, традиционно большая часть была в топливно-энергетическом комплексе, ИТ и розничной торговле [*Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе*, 2019]. В целом, подводя итоги первой пятилетки работы союза, его члены достигли согласия и назначили цель макроэкономической политики — обеспечить динамическое и устойчивое экономическое развитие стран-участниц. Для достижения этой цели были сформулированы задачи по углубленной экономической интеграции в Евразийском регионе. Особое внимание уделяется цифровизации экономик стран-членов, стимулированию производственной и технологической кооперации в промышленности и сельском хозяйстве, а также созданию единой транспортной инфраструктуры. Значительное внимание было уделено и развитию сотрудничества в энергетической отрасли. Важным моментом стало подписание договора об общем электроэнергетическом рынке в мае 2019 г. Кроме того, члены организации выразили свою приверженность ускорению усилий по созданию единых рынков газа, нефти и нефтепродуктов с целью обеспечения их функционирования к 2025 г., что создаст новые возможности для бизнеса. Таким образом, ЕАЭС и его члены не только являются последовательными в своих стратегических планах, но и принимают конкретные меры для развития экономической интеграции в регионе. Это открывает перед странами-участницами новые перспективы и возможности для достижения устойчивого и экономического роста [*Политические процессы...*, 2020].

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) демонстрирует растущую динамику интеграции и экономического сотрудничества между странами-

членами. Отличительной чертой ЕАЭС является твердая приверженность расширению сотрудничества в стратегически важных областях, таких как энергетика, промышленность и сельское хозяйство. Это углубленное сотрудничество поддерживается инициативами, которые способствуют взаимным инвестициям и создают благоприятные условия для свободного перемещения капитала, товаров и услуг через границы. Эти усилия сыграли решающую роль в укреплении экономических отношений между Россией, Казахстаном, Беларусью, Арменией и Кыргызстаном, а также в дальнейшем укреплении их региональных связей.

Важной частью стратегии ЕАЭС является переход к цифровой экономике. Цифровизация рассматривается как важный инструмент модернизации производственных процессов, повышения эффективности государственного управления и расширения международных торговых связей. В рамках цифровой повестки ЕАЭС были предложены меры по созданию единой цифровой платформы, которая упростит трансграничные операции, улучшит логистику и поддержит развитие ИТ-сектора [*Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе*, 2020]. Ожидается, что развитие цифровой инфраструктуры станет основой для будущего роста производительности и инновационного развития стран союза, что сделает их более конкурентоспособными на мировом рынке.

Особое внимание уделяется энергетической интеграции. Подписание соглашений о создании общего рынка электроэнергии к 2019 г. и стремление создать общие рынки газа и нефти к 2025 г. демонстрируют приверженность стран-участниц углублению сотрудничества в этой ключевой области. Это не только обеспечит энергетическую безопасность региона, но и откроет новые возможности для бизнеса, позволяя снизить издержки и повысить конкурентоспособность на международных энергетических рынках.

Не менее важным аспектом работы ЕАЭС является стремление к созданию единой транспортной инфраструктуры. Транспортная интеграция помогает увеличить объемы торговли, снизить логистические издержки и упростить доступ к рынкам внутри и за пределами союза. Развитие транспортных коридоров, связывающих страны ЕАЭС с Китаем, Европейским союзом и другими регионами, делает ЕАЭС важным мостом между Востоком и Западом. Эти транспортные инициативы также поддерживают проект «Один пояс — один путь», который открывает новые перспективы для торгово-экономического сотрудничества.

Другую модель интеграции России в этом регионе заметил академик А. Н. Дмитриевский, предложивший «освоение газовых ресурсов в Южной России, а именно в Астраханском карбонатном массиве совместно с российским шельфом Каспия, и их объединении с ресурсами стран Центральной Азии для организации совместного экспорта в Европу и страны АТР, в первую очередь Китай. В таком случае Россия могла бы взять на

себя координирующую роль в освоении газовых ресурсов юга России и стран Центральной Азии. Предлагаемый газопровод, начиная с юга России и проходя через территорию Казахстана до КНР с подключением газовых месторождений Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, создаст новый коридор для экспорта газа из РФ и стран Центрально-Азиатского региона в Китай» [Дмитриевский, 2008].

Модель академика А. Н. Дмитриевского подчеркивает всеобъемлющий и стратегический подход России к энергетическому сотрудничеству в более широком Евразийском регионе. В этой модели делается значительный акцент на стремлении России стать центральным игроком в координации, распределении и транзите энергетических ресурсов, в частности природного газа. Объединяя газовые ресурсы юга России с ресурсами стран Центральной Азии, таких как Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, Россия стремится укрепить свою роль в качестве жизненно важного энергетического узла в регионе. Эта стратегия не только повышает потенциал России как крупного экспортера газа, но и открывает перед странами Центральной Азии новые экономические возможности за счет расширения их доступа на международные рынки, особенно в Китай.

Поскольку спрос Китая на энергоносители, особенно на природный газ, продолжает расти, этот проект призван повысить энергетическую безопасность как участвующих в нем стран Центральной Азии, так и Китая. Партнерство является взаимовыгодным: Россия расширяет свое влияние на энергетический ландшафт региона, Центральная Азия диверсифицирует маршруты экспорта энергоносителей, а Китай обеспечивает стабильные поставки газа для удовлетворения своих растущих потребностей. Более того, такое сотрудничество потенциально может изменить энергетическую динамику всего Евразийского региона, способствуя большей взаимозависимости между ключевыми игроками и усиливая геополитическое влияние России. Эта инициатива раскрывает Россию не только как поставщика, но и как ключевого координатора энергетических потоков, что делает ее незаменимым партнером на мировом энергетическом рынке.

Кроме того, предлагаемый газопровод служит важнейшим элементом диверсификации экспортных маршрутов. Традиционно экспорт российского газа в значительной степени зависел от европейского рынка, который в последние годы стал более волатильным из-за геополитической напряженности, санкций и стремления Европы диверсифицировать энергетику, отказавшись от российского газа. Создавая новый коридор в Азиатско-Тихоокеанский регион, Россия и ее центральноазиатские партнеры могут снизить риски, связанные с чрезмерной зависимостью от европейских покупателей. Кроме того, этот трубопровод будет соответствовать китайской инициативе «Один пояс – один путь», что еще больше укрепит экономические связи между Россией, Центральной Азией и Китаем.

Выгоды для стран Центральной Азии также значительны. Для Казахстана, Узбекистана и Туркменистана более тесная интеграция в региональную газовую инфраструктуру может обеспечить их столь необходимым капиталом для разработки собственных запасов газа и усиления их влияния на мировых энергетических рынках. Эти страны обладают значительными неиспользованными запасами газа, но им не хватает инфраструктуры и капитала для их полной эксплуатации. Сотрудничая с Россией, они могут использовать ее существующую трубопроводную инфраструктуру, опыт и доступ к международным рынкам для более эффективной монетизации своих газовых ресурсов.

Поскольку страны по всему миру все больше внимания уделяют сокращению выбросов углекислого газа и отказу от ископаемого топлива, долгосрочные инвестиции в инфраструктуру, работающую на природном газе, могут привести к снижению отдачи. Таким образом, хотя этот проект приносит экономические и геополитические выгоды, его долгосрочная устойчивость может быть поставлена под сомнение, если не будет смягчено воздействие на окружающую среду [*Глобальное энергетическое объединение...*, 2021].

«Наряду с Китаем регион Индостана активно развивается, и в нем тоже растет потребность в дополнительных энергетических ресурсах. В связи с этим есть несколько вариантов возведения трубопровода: один, из Ирана и Туркменистана в Пакистан и Индию, вызывает активное противодействие со стороны США. Второй предусматривает прокладку трубопровода из Туркменистана в Пакистан и Индию. Трансафганский проект, который так поддерживают США. Третий – это газопровод Катар – Иран – Пакистан – Индия, который зависит от транспортной политики Дохи» [*Дудко*, 2009].

Развитие энергетической инфраструктуры в регионе Индостан приобретает все большее значение, поскольку Индия и Пакистан продолжают переживать быстрый экономический рост, что увеличивает их спрос на энергоносители, особенно на природный газ. Стратегическое расположение Центральной и Южной Азии наряду с огромными запасами энергии на Ближнем Востоке и в странах Центральной Азии делает этот регион ключевой областью для будущего энергетического сотрудничества и инфраструктурных проектов.

Первый предложенный трубопровод, из Ирана и Туркменистана в Пакистан и Индию, сталкивается с существенным противодействием со стороны Соединенных Штатов из-за их геополитической позиции в отношении Ирана. Несмотря на экономические преимущества, которые такой трубопровод принес бы Южной Азии, включая снижение затрат на энергоносители и повышение энергетической безопасности, политические риски и дипломатические препятствия затрудняют реализацию проекта без изменения внешней политики США или дипломатического прорыва между США и Ираном.

Второй вариант, известный как трубопровод Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ), получил большую международную поддержку. Проект ТАПИ направлен на транспортировку природного газа с туркменского газового месторождения через Афганистан в Пакистан и Индию, создавая надежную цепочку поставок энергии для Южной Азии. США продвигали этот проект как способ обеспечить альтернативу трубопроводам, идущим из Ирана, и способствовать региональному сотрудничеству между Южной и Центральной Азией. Однако трубопровод ТАПИ сталкивается со значительными трудностями, в частности с ситуацией в области безопасности в Афганистане, где сохраняющаяся нестабильность может поставить под угрозу безопасность и бесперебойную работу трубопровода. Кроме того, финансирование и политическое сотрудничество между странами-участницами были медленными, что замедлило ход реализации проекта.

Третий предлагаемый трубопровод, маршрут Катар – Иран – Пакистан – Индия, сталкивается с рядом геополитических препятствий. Катар, один из крупнейших в мире экспортеров сжиженного природного газа (СПГ), располагает ресурсами для поддержки такого проекта. Однако его успех в значительной степени зависит от транспортной политики Катара и его способности ориентироваться в сложной региональной динамике, особенно в отношениях с Ираном, поскольку две страны совместно используют крупное газовое месторождение Южный Парс / Северный купол [Козьменко, Савельев, 2017]. Хотя этот трубопровод мог бы удовлетворить растущие энергетические потребности Пакистана и Индии, напряженность в отношениях между Ираном и его соседями, а также конкуренция между странами Персидского залива могут задержать или усложнить реализацию проекта.

Все эти предлагаемые трубопроводные маршруты подчеркивают исключительную важность энергетической дипломатии в регионе. Для таких стран Южной Азии, как Индия и Пакистан, обеспечение стабильных и доступных поставок природного газа имеет важное значение для поддержания экономического роста и удовлетворения потребностей населения в энергии. Однако успех этих проектов зависит от способности региональных игроков преодолеть давнее геополитическое соперничество, проблемы безопасности и международное противодействие, особенно со стороны США и других мировых держав.

Кроме того, развитие альтернативных источников энергии и глобальное стремление к декарбонизации также создают потенциальные проблемы для долгосрочной жизнеспособности этих газопроводов. По мере того как страны переходят к более экологичным энергетическим решениям, спрос на природный газ в ближайшие десятилетия может стабилизироваться или даже снизиться. Однако в краткосрочной и среднесрочной перспективе

эти трубопроводы по-прежнему имеют решающее значение для решения проблемы дефицита энергии в Южной Азии, обеспечивая переход к более устойчивому энергетическому будущему.

Заинтересованность стран СНГ в развитии взаимной торговли тоже встречает некоторые сложности, которые ставят под сомнение многостороннее взаимовыгодное сотрудничество. 29 мая 2020 г. Совет глав правительств утвердил стратегию экономического развития СНГ на период до 2030 г.

Важным компонентом стратегии СНГ является развитие экономических партнерств с зарубежными странами и международными организациями. В стратегии подчеркивается важность развития отношений с международными организациями, такими как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Всемирная торговая организация (ВТО). Ожидается, что укрепление связей с этими институтами создаст дополнительные возможности для торговли и инвестиций, а также будет способствовать интеграции стран СНГ в глобальные производственно-сбытовые цепочки. Однако успех такого подхода будет зависеть от того, насколько хорошо страны СНГ смогут ориентироваться в сложных геополитических условиях, особенно учитывая влияние западных санкций на Россию и растущее влияние Китая в Центральной Азии.

Первый этап стратегии направлен на стабилизацию торгово-экономических отношений в рамках СНГ, преодоление непосредственных последствий внешних экономических потрясений и создание основы для более глубокой интеграции. Этот этап включает в себя меры по поддержке постпандемического восстановления, поскольку пандемия *COVID-19* оказала значительное влияние на экономику государств – членов СНГ, усугубив существующие проблемы, такие как безработица и экономическая нестабильность.

На втором этапе ставятся более амбициозные цели, включая создание полностью интегрированного экономического пространства в рамках СНГ. Это предполагает создание общих энергетических рынков, расширение сотрудничества в области науки и технологий, а также совместные усилия по решению экологических и климатических проблем. Ключевым направлением станет переход к цифровой экономике, которая, как ожидается, сыграет ключевую роль в модернизации отраслей, повышении производительности и конкурентоспособности на мировых рынках. Однако для достижения этих целей потребуются преодолеть политические разногласия между государствами-членами, а также противостоять внешнему давлению, которое может подорвать региональное единство.

Одной из важнейших проблем, с которыми сталкивается СНГ при реализации этой стратегии, является разный уровень экономической и политической интеграции между его членами. Некоторые страны, такие как Беларусь и Казахстан, имеют более тесные связи с Россией и участ-

вуют в других региональных инициативах, таких как Евразийский экономический союз. Другие страны, такие как Украина (которая официально вышла из СНГ в 2018 г.) и Грузия (которая вышла из СНГ в 2008 г.), дистанцировались от СНГ из-за геополитической напряженности. Эта фрагментация затрудняет усилия по достижению значимого экономического сотрудничества во всем регионе. Кроме того, влияние внешних игроков, таких как Европейский союз, Китай и Соединенные Штаты, создает дополнительные сложности, поскольку эти державы имеют конкурирующие интересы в регионе.

Д. Г. Дудко в работе «Евроазиатские транспортно-энергетические проекты с участием России и их роль в интеграции СНГ» [Дудко, 2009] пишет, что «принципиальную роль в организации евразийского хозяйственного пространства могут играть транспортно-энергетические коридоры, в том числе трансконтинентальные трубопроводные системы. Они могут интегрироваться в будущую объединенную энергетическую систему – «ЭНЕРГОНЕТ Евразии» – и обеспечивать экономику региона топливом и энергией. В этой связи было бы полезным использовать новые трубопроводы, строящиеся в России как в западном, так и в восточном направлениях, а также в странах СНГ, ЕС и Восточной Азии. Проектирование евразийской трубопроводно-транзитной сети необходимо проводить с учетом геоэкономической стратегии, чтобы связать Европу с государствами СНГ и всеми азиатскими центрами, включая Индию, Китай, Японию и Южную Корею» [Дудко, 2009]».

Анализ Дудко подчеркивает критическую важность транспортных и энергетических коридоров в формировании будущего Евразийского экономического пространства. Интеграция трансконтинентальных трубопроводных систем, которые соединили бы Европу, страны СНГ и ключевые азиатские экономические центры, рассматривается как стратегический шаг для обеспечения энергетической безопасности и экономического роста региона. Эти коридоры, включающие газо- и нефтепроводы, а также электросети, могли бы заложить основу для более единой евразийской энергетической системы, укрепляя сотрудничество между странами-участницами [Дудко, 2009].

Одним из ключевых факторов, стимулирующих развитие этих энергетических и транспортных коридоров, является диверсификация маршрутов экспорта энергоносителей. Для России, обладающей огромными запасами энергоносителей, строительство новых трубопроводов как на Запад (в Европу), так и на Восток (в Китай, Японию и Южную Корею) является важнейшим компонентом ее геоэкономической стратегии. Создавая сеть трубопроводов, связывающих Россию и СНГ с основными регионами – потребителями энергии, Россия может снизить свою зависимость от какого-либо отдельного рынка и снизить риски, связанные с геополитической

напряженностью. Такая диверсификация также предоставляет странам СНГ возможность более эффективного доступа к мировым рынкам, усиливая их экономическую интеграцию и снижая энергетическую зависимость от какого-либо одного партнера.

Более того, развитие этих трубопроводов и энергетических сетей требует значительных финансовых вложений и долгосрочных политических обязательств со стороны стран-участниц. Координация таких масштабных инфраструктурных проектов, осуществляемых через множество границ и политических систем, может оказаться сложной задачей. В некоторых случаях проблемы безопасности, особенно в таких регионах, как Центральная Азия и Кавказ, создают дополнительные риски для строительства и эксплуатации трубопроводов. В этих регионах исторически происходили конфликты и нестабильность, которые могут угрожать непрерывности и безопасности линий энергоснабжения.

Еще одним ключевым аспектом евразийских энергетических и транспортных проектов является потенциальное воздействие на окружающую среду. Хотя трубопроводы являются эффективным средством транспортировки энергии, они также сопряжены с экологическими рисками, такими как разливы нефти, вырубка лесов и разрушение местных экосистем. Поскольку мировое сообщество все больше внимания уделяет вопросам устойчивого развития и сокращения выбросов углекислого газа, строительство новой инфраструктуры, работающей на ископаемом топливе, может столкнуться с противодействием. Поэтому, возможно, потребуется дополнить эти трубопроводные проекты инвестициями в возобновляемые источники энергии и экологически чистые технологии для обеспечения долгосрочной устойчивости евразийской энергетической системы.

Российская газовая отрасль с ее уникальной и разветвленной единой системой газоснабжения (ПХГ) готова стать движущей силой в реализации этого амбициозного проекта. Благодаря своему стратегическому географическому положению Россия находится в идеальном положении для того, чтобы взять на себя роль системного администратора и оператора будущей евразийской энергетической сети. Эта энергетическая система, задуманная как комплексный евразийский хаб, будет сосредоточена не только на продаже газа, но и на транспортировке энергоресурсов и управлении ими, предлагая ряд необходимых услуг для обеспечения эффективного функционирования энергетического рынка региона.

Роль России будет заключаться в балансировании спроса и предложения, содействии ценовому арбитражу и обеспечении бесперебойных трансграничных поставок энергоносителей. Российская энергетическая сеть могла бы также контролировать распределение нефти и электроэнергии, позиционируя себя как центральный хаб единой энергетической инфраструктуры Евразии. Это позволило бы России оказывать значительное влияние

на энергетическую ситуацию в регионе, координируя перераспределение энергетических ресурсов там, где они наиболее необходимы. «Такая системная роль российской газовой отрасли и транспортно-энергетического комплекса в целом позволит обеспечить надежность энергетических потоков, их гибкость в различных условиях, применять уникальные национальные технологии в управлении ЕСГ, что принесет значительные выгоды российским потребителям, коллегам из СНГ и партнерам» [Дудко, 2009].

Российский газовый комплекс с его Единой системой газоснабжения (ПХГ) занимает стратегическое положение на евразийском энергетическом пространстве, что делает его важнейшим игроком в реализации Евразийской энергетической системы (*ESG*). Огромные запасы газа в России и развитая инфраструктура обеспечивают прочную основу для этой инициативы, а географическое положение страны позволяет ей выступать в качестве центрального узла, соединяющего Европу, СНГ и Азию. Эта роль системного администратора и оператора является ключевой не только в газоснабжении, но и в интеграции энергетических рынков по всему Евразийскому континенту, создавая более устойчивую и взаимосвязанную энергетическую систему.

А глобальный переход к возобновляемым источникам энергии и декарбонизации создает еще одну проблему для российской энергетической стратегии, в которой преобладает газ.

Хотя природный газ считается более чистым ископаемым топливом по сравнению с углем и нефтью, он по-прежнему способствует выбросам парниковых газов. Поскольку страны по всему миру ставят перед собой амбициозные цели по сокращению выбросов углекислого газа, спрос на природный газ в долгосрочной перспективе может снизиться. Чтобы сохранить конкурентоспособность, России необходимо будет изучить возможность интеграции возобновляемых источников энергии в *ESG*, возможно, путем инвестиций в такие технологии, как производство водорода, улавливание и хранение углерода (*CCS*), а также развитие сетей экологически чистой энергетики наряду с традиционной газовой инфраструктурой.

Кроме того, поддержание технической и эксплуатационной целостности трансконтинентальной энергосистемы является непростой задачей. Строительство и техническое обслуживание трубопроводов, хранилищ и сетей распределения энергии во многих странах требуют значительных инвестиций и скоординированных усилий широкого круга заинтересованных сторон. Политическая стабильность и долгосрочное сотрудничество между странами СНГ, Европы и Азии необходимы для успеха этого проекта. Таким образом, роль России как системного администратора будет зависеть от ее способности содействовать заключению многосторонних соглашений и обеспечивать, чтобы все страны-участницы получили выгоду от *ESG*.

Заключение

В свете вышеизложенного реализация крупномасштабных инфраструктурных проектов в Евразийском регионе потенциально способна решить несколько ключевых проблем. Прежде всего, эти инициативы помогут в восстановлении экономики России и стран СНГ после глобального кризиса, придав их экономикам столь необходимый импульс. Кроме того, развитие энергетических мостов между Европой и Азией в рамках этих предлагаемых проектов значительно укрепит связь и сотрудничество между двумя регионами.

Кроме того, расширение инфраструктуры и строительство новых мощностей по переработке углеводородов, а также развитие химической и нефтехимической промышленности будут способствовать созданию транснациональных экономических структур. Эти структуры, возникающие на основе новых интеграционных объединений, будут способствовать получению и распределению глобального дохода, способствуя общей экономической сплоченности стран СНГ. Это, в свою очередь, укрепит региональную интеграцию, проложив путь к более глубокому сотрудничеству и общему процветанию. Развитие крупномасштабных инфраструктурных проектов в Евразийском регионе открывает ряд значительных возможностей и решений, которые могут изменить экономический и геополитический ландшафт России, стран СНГ и их глобальных партнеров. Эти проекты, особенно те, которые сосредоточены в энергетическом секторе, представляют собой важный путь для восстановления экономики и роста в посткризисном мире. Способствуя укреплению сотрудничества между Европой и Азией посредством энергетических связей, Россия и ее партнеры получают возможность создать единый энергетический рынок, который будет способствовать как региональной, так и глобальной экономической интеграции. Строительство трубопроводов, заводов по переработке углеводородов и нефтехимических производств имеет жизненно важное значение для укрепления промышленного потенциала региона, стимулирования инноваций и создания высокоэффективных экономических сетей, выходящих за пределы национальных границ.

Одним из наиболее очевидных преимуществ этих инициатив является потенциал для экономической стабилизации и роста в условиях глобального кризиса. Пандемия *COVID-19*, геополитическая напряженность и колебания цен на энергоносители существенно повлияли на экономику России и стран СНГ. Инвестируя в инфраструктурные и энергетические проекты, эти страны могут ускорить свое восстановление, повысить устойчивость промышленности и снизить зависимость от единого рынка или поставщиков. Более того, укрепляя связь региона с помощью энергетических коридоров и транспортных сетей, страны СНГ могут позиционировать себя в качестве важнейших игроков в мировой торговле, энергетике и логистике, обеспечивая важнейшие связи между Европой и быстрорастущими рынками Азии.

Создание энергетических мостов между Европой и Азией является еще одним преобразующим аспектом этих проектов. Способствуя эффективной транспортировке газа, нефти и электроэнергии на огромные расстояния, эти энергетические коридоры повысят энергетическую безопасность как Европы, так и Азии. Европа, стремящаяся диверсифицировать свои источники энергии и снизить зависимость от конкретных поставщиков, выиграет от интеграции энергоресурсов СНГ в свою энергосистему. В то же время растущие потребности Азии в энергии, особенно со стороны Китая и Индии, делают развитие таких энергетических связей жизненно важным для поддержания их экономического роста. Россия как центральный игрок в этом процессе может использовать свои географические и ресурсные преимущества, чтобы стать надежным энергетическим партнером для обоих континентов, укрепляя свою роль глобального энергетического центра.

Более того, расширение инфраструктуры, особенно в энергетической и нефтехимической отраслях, будет способствовать созданию транснациональных экономических структур. Эти структуры выйдут за рамки отдельных национальных экономик, что позволит объединить ресурсы, технологии и опыт многих стран. Поощряя сотрудничество между государствами – членами СНГ и глобальными партнерами, возникнут новые экономические ассоциации и структуры, способствующие справедливому распределению глобального дохода. Это не только принесло бы пользу России и СНГ, но и способствовало бы глобальной экономической стабильности, развитию торговли, инвестиций и инноваций в стратегических отраслях.

Потенциальные выгоды от этих проектов выходят за рамки сиюминутных экономических выгод. Интеграция стран СНГ посредством совместных инфраструктурных и энергетических проектов укрепит региональную сплоченность, способствуя установлению более тесных политических, экономических и социальных связей. Создавая более единое евразийское экономическое пространство, Россия и страны СНГ смогут коллективно усилить свое глобальное влияние и вести переговоры с позиции силы на международных форумах.

В заключение следует отметить, что реализация масштабных инфраструктурных проектов в Евразийском регионе предоставляет России и странам СНГ уникальную возможность укрепить свое экономическое и геополитическое влияние. Создавая энергетические мосты между Европой и Азией, расширяя промышленные мощности и способствуя углублению экономической интеграции, эти проекты потенциально могут изменить мировой энергетический рынок и сделать Евразию ключевым игроком в новом мировом порядке. Успех этих инициатив будет зависеть от эффективного сотрудничества всех вовлеченных сторон, а также от их способности адаптироваться к меняющемуся глобальному энергетическому ландшафту.

Список литературы

Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы, 2020 / В. А. Аватков, А. Д. Гронский, Е. П. Ионова и др. М.: ИМЭМО. 276 с. DOI 10.20542/978-5-9535-0588-8.

Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2018 год по оперативным данным. М.: ЕЭК, 2019 // [https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/external_sector/finstat_5_2019f.pdf](https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat_fin_stat/external_sector/finstat_5_2019f.pdf).

Аватков В. А., Евстафьев Д. Г., 2023. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. № 1 (1). С. 7 – 19. DOI:10.31249/j.2949-2408.2023.01.01

Аватков В. А., 2018. Россия и Турция: переход к полицентрической системе международных отношений // Обозреватель (Observer). № 11 (346). С. 38 – 54.

Аватков В. А., 2022. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // Мировая экономика и международные отношения. Т. 66. № 2. С. 90 – 100. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100.

Аватков В. А., Сбитнева А. И., 2022. Коридоры турецкого влияния: евроазиатский путь Анкары. // Геоэкономика энергетики. № 3 (19). С. 6 – 20. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_6.

Быков А. Н., 2001. Глобализация и регионализация: российские интересы и перспективы евразийской интеграции // Российский экономический журнал. № 7. С. 59 – 74.

Дмитриевский А. Н., 2008. Россия сможет создать новый экспортный коридор в Китай // Мировая энергетика. № 1 (49). С. 6 – 9.

Дудко Д. Г., 2009. Евроазиатские транспортно-энергетические проекты с участием России и их роль в интеграции стран СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2009. № 3. С. 45 – 53.

Иванова А. А., 2018. Роль Российской Федерации в ЕАЭС // Молодой ученый. №. 40. С. 136 – 141.

Кириллова О. В., 2019. О некоторых проблемах интеграции России в мировое пространство в условиях санкций и торговых войн // Российская экономика: взгляд в будущее. С. 149 – 154.

Козьменко С. Ю., Савельев А. Н., 2017. Геоэкономика и политика «арабской весны»: ближневосточная газовая интрига // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2. С. 67 – 75.

Лебедева М. М., 2019. Современные мегатренды мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 9. С. 29 – 37. DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37.

Петровский В. Е., 2016. Безопасность и развитие в Евразии в свете среднесрочной стратегии развития ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Т. 21. № 21. С. 85 – 97.

Филимонов А. Г., Филимонова А. А., Чичиров А. А., Чичирова Н. Д., 2021. Глобальное энергетическое объединение: новые возможности водородных технологий // Известия высших учебных заведений. Проблемы энергетики. № 23 (2). С.3 –13. <https://doi.org/10.30724/1998-9903-2021-23-2-3-13>.

AVATKOV Vladimir A. DSc in Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences Russian Academy of Sciences (INION RAN), Head of the Department of International Relations and Geopolitics of Transport Institute of International Transport Communications Russian University of Transport (MIIT)

Address: 26A, Novosushchevskaya str., Moscow, 127018, Russian Federation

Email: v.avatkov@gmail.com

SPIN-code: 7909-2304

ORCID: 0000-0002-6345-3782

SPIRIDONOVA Nina A. Senior lecturer of the department International Relations and Geopolitics of Transport Institute of International Transport Communications RUT (MIIT)

Address: 26A, Novosushchevskaya str., Moscow, 127018, Russian Federation

E-mail: na009@bucknell.edu

TRANSPORT AND ENERGY PROJECTS IN RUSSIA AND THE CIS

DOI: 10.48137/26870703_2024_28_4_6

Received: 23.09.2024.

For citation: Avatkov V. A., Spiridonova N. A., 2024. Transport and Energy Projects in Russia and the CIS. – *Geo-economics of Energetics*. № 4 (28). P. 6–26. DOI: 10.48137/26870703_2024_28_4_6

Keywords: transport and energy projects, Russia, CIS, cooperation, transport routes.

Abstract.

Transport and energy projects play a leading role in stimulating economic growth in both Russia and the CIS countries. These projects not only improve infrastructure, but also increase energy efficiency, contributing to the sustainable development of regions. In this article we are interested in the most important transport and energy projects in Russia and the CIS countries, their impact on the economy and development prospects.

References

Political processes in the post-Soviet space: new trends and old problems, 2020 / V. A. Avatkov, A. D. Gronskey, E. P. Ionova et al. M.: IMEMO. 276 pp. DOI 10.20542/978-5-9535-0588-8. (In Russ.)

Direct investments in the Eurasian Economic Union. 2018 according to operational data. Moscow: EEC, 2019 // https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/external_sector/finstat_5_2019f.pdf. (In Russ.)

Avatkov V. A., Evstafiev D. G., 2023. Post-Soviet Eurasia in global geo-economic regionalization: the first contours // Middle and Post-Soviet East. No. 1 (1). Pp. 7–19. DOI:10.31249/J.2949-2408.2023.01.01 (In Russ.)

Avatkov V. A., 2018. Russia and Turkey: the transition to a polycentric system of international relations // Obozrevatel (Observer). No. 11 (346). Pp. 38–54. (In Russ.)

Avatkov V. A., 2022. Turkey and Azerbaijan: one nation – one state? // World Economy and International Relations. Vol. 66. No. 2. Pp. 90–100. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100. (In Russ.)

Avatkov V. A., Sbitneva A. I., 2022. Corridors of Turkish influence: Ankara's Eurasian Path // Geoeconomics of Energetics. No. 3 (19). Pp. 6–20. DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_6/ (In Russ.)

Bykov A. N., 2001. Globalization and regionalization: Russian interests and prospects for Eurasian integration // Russian Economic Journal. No. 7. Pp. 59–74. (In Russ.)

Dmitrievsky A. N., 2008. Russia will be able to create a new export corridor to China // World Energy. No. 1 (49). Pp. 6–9. (In Russ.)

Dudko D. G., 2009. Eurasian transport and energy projects with the participation of Russia and their role in the integration of the CIS countries // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2009. No. 3. C. 45–53. (In Russ.)

Ivanova A. A., 2018. The role of the Russian Federation in the EAEU // Young Scientist. No. 40. Pp. 136–141. (In Russ.)

Kirillova O. V., 2019. On some problems of Russia's integration into the world space in the context of sanctions and trade wars // Russian economy: a look into the future. Pp. 149–154. (In Russ.)

Kozmenko S. Yu., Saveliev A. N., 2017. Geo-economics and the politics of the «Arab Spring»: The Middle East gas intrigue // The North and the Market: the formation of an economic order. No. 2. Pp. 67–75. (In Russ.)

Lebedeva M. M., 2019. Modern megatrends of world politics // World economy and International Relations. Vol. 63. No. 9. Pp. 29–37. DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37. (In Russ.)

Petrovsky V. E., 2016. Security and development in Eurasia in the light of the SCO Medium-term development strategy // China in World and Regional Politics. History and modernity. Vol. 21. No. 21. Pp. 85–97. (In Russ.)

Filimonov A. G., Filimonova A. A., Chichirov A. A., Chichirova N. D., 2021. Global Energy Association: new opportunities of hydrogen technologies. // News of higher educational institutions. Energy problems. No. 23 (2). Pp. 3–13. <https://doi.org/10.30724/1998-9903-2021-23-2-3-13>. (In Russ.)